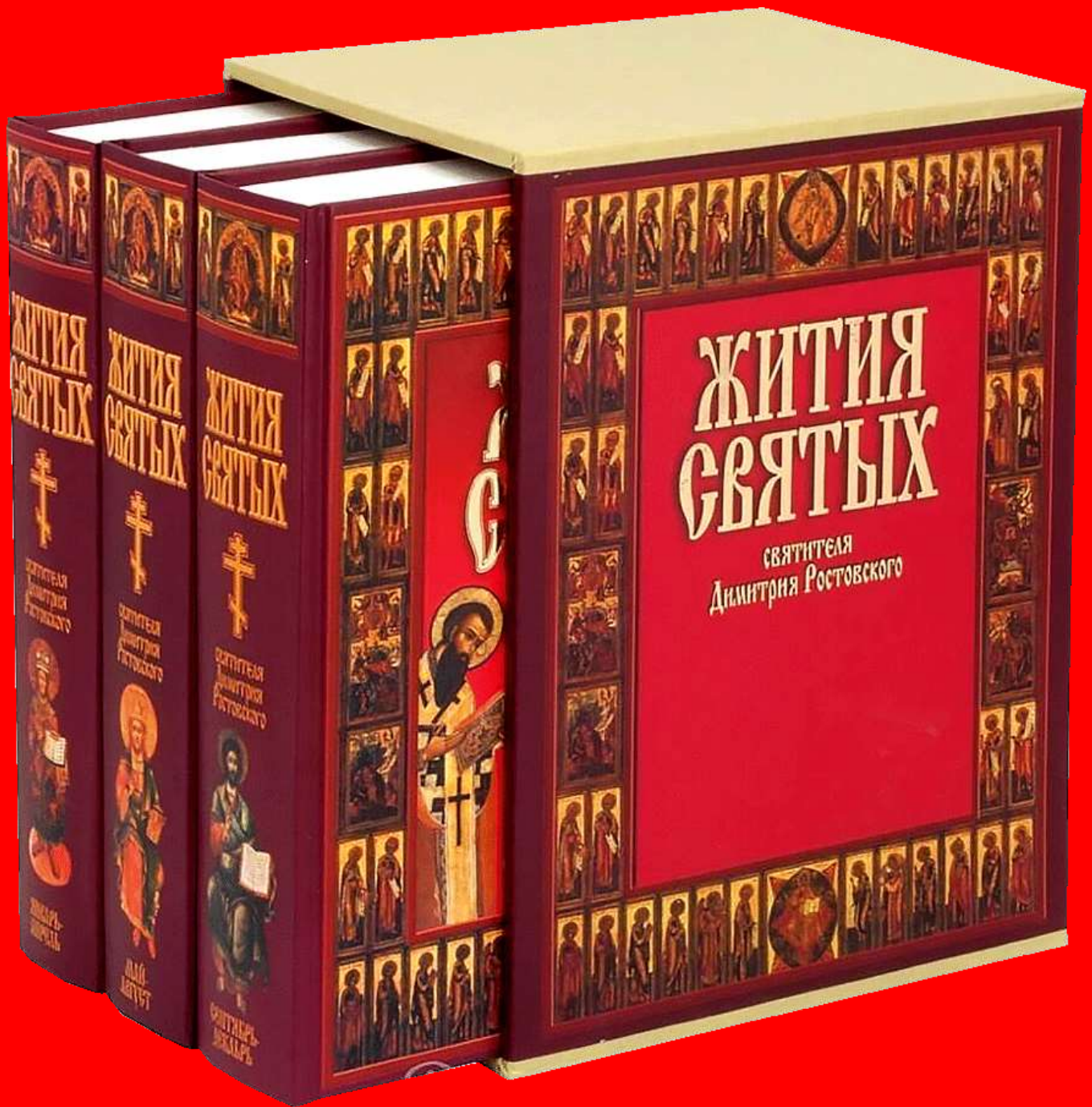

TEZĂUR LITURGIC
28 DECEMBRIE
SF.DIMITRIE AL ROSTOVULUI

VIAȚA
SF.20.000
MUCENICI
DE LA
NICOMIDIA

MOSCOVA,2016

Память 28 декабря

Страдание двадцати тысяч мучеников, в Никомидии сожженных

Во второй год царствования императора Максимиана¹, когда, уже готовилось жестокое гонения на христиан, святая вера Христова благоустроялась и процветала, и богоносные пастыри и учителя Церкви открыто исповедывали православные догматы. В числе их был тогда и святой Кирилл, славный епископ Никомидийской² церкви, украшенный праведною жизнью и даром слова.

Распространяясь, благодаря его проповеди, христианская вера стала уже достигать и до царских палат. Многие из ближайших слуг царских начинали отвращаться от идолов и обращаться ко Христу. Узнав об этом, Максимиан задумал немедленно воздвигнуть гонения на Церковь Христову, но ему в это время предстояла война с варварами; поэтому он решил сначала ополчиться на внешних врагов и победить их, а затем объявить и внутреннюю войну - не врагам, но своим же

подданным и верным помощникам, христианам, укрепляющим отечество своими молитвами и правой верой. Когда покинул он Никомидию, отправившись на войну с Эфиопами, то свет святой веры воссиял еще ярче, просвещая неверных; воинство же Христово тем временем возрастало в числе и готовилось к предстоящему подвигу.

Была в то время в Никомидии одна прекрасная дева, воспитанная в царских чертогах, по имени Домна. Царь вручил ее своим скверным богам, обрешав на хранение девства, и сделал ее при своем дворце главной идольской жрицей.

Божиим промыслием, попала в ее руки книга Новозаветных писаний, читая которую дева начала просвещаться душой. Она обрадовалась, что обрела такое духовное сокровище, удивлялась великой вере христиан во Единого Бога и скорбела душой, что до сих пор находилась во тьме неведения и заблуждения. Усердно желая более совершенно ознакомиться с христианской верой и приобщиться ей, она, ни мало немедля, призвала одну деву христианку, дочь знатного вельможи, и, получив от нее наставление, отправилась ночью тайно от всех к святому епископу Кириллу. Достаточно наставив девицу в Божественном Писании и осенив крестным знаменем, епископ огласил³ ее и

поручил одному святому диакону, по имени Агапию, чтобы, под его руководством, она приготовила себя постом и молитвами к святому крещению. Домна всё повелеваемое ей совершала втайне, так что никто об этом не знал, кроме одного ее евнуха⁴, кротостью нрава подобного ей, по имени Индиса, который вместе с нею обратился к святой вере и также готовился к принятию крещения. Когда пришел к концу назначенный епископом срок, Домна и Индис были крещены. Таким образом дева, которой было не больше четырнадцати лет, вскоре после первого рождения - плотского, родилась вторым рождением - духовным.

Вернувшись во дворец, она с этих пор ничем больше не занималась, кроме молитвы, поста и чтения Божественного Писания. Однажды, читая Деяния Апостольские, дошла она до следующего места: **"Ибо все, которые владели землями или домами, продавая их, приносили цену проданного и полагали к ногам Апостолов"** (Деян.4:34-35).

Святая Домна решила поступить так же. Собрав всё свое имущество, золото и серебро, жемчуг и драгоценные камни, дорогие одеяния и все девическое убранство, она тайно отнесла это к своему духовному отцу, святому Кириллу. Положив всё к его ногам, как бы к ногам

апостольским, она умоляла его вырученные за всё это деньги раздать собственными руками нуждающимся, что и было исполнено. Вскоре после этого святой Кирилл преставился и отошел к Богу. Глубоко храня в своем сердце все его наставления, Домна днем и ночью старалась угождать Богу, усердно служа Ему со своим единомышленником и духовным собратом, евнухом Индисом, вместе с которым она возродилась водою и Духом⁵. Поучаясь в законе Господнем, они ежедневно постились вплоть до самого вечера; вкушаемая же поздним вечером трапеза их состояла из чёрствого хлеба и воды; а пища, назначенная царем и ежедневно подаваемая им, насыщала голодных, ибо они тайно раздавали всё нищим. Проводя такую Богоугодную жизнь, они, подобно граду, стоящему на верху горы (Мф.5:14), не могли утаиться, хотя всячески и тщательно укрывались. Благодетельство их обнаружилось подобно светильнику, открытому из-под спуда (Мф.5:15), и сокровищу, обретенному в поле (Мф.13:14). Так было угодно Богу, чтобы эта святая двойца стала примером для верных и посрамлением для неверных.

О ежедневном посте Домны и Индиса поведал начальник евнухов, управлявший всем дворцом и заведывавший царским столом. Вместо того,

чтобы изумиться такой строгости их жизни, он прибегнул к мучениям и долго бил их, вынуждая их признаться, на что употребляется выдаваемая им пища; но они скрывали свою добродетель и не хотели сознаться в ней. Тогда подошел один евнух, перс по происхождению и по вере, и начал рассказывать начальнику евнухов об их добродетели, выставляя ее как бы некое злодеяние и сопровождая свой рассказ клеветами и оскорблениями. Он говорил о кроткой и чистой жизни Домны и Индиса, о воздержании от пищи и о том, что они раздают приносимую им пищу убогим христианам, противникам царя.

- Если хочешь узнать истину, - сказал он в заключение, - то открой их хранилища, и ты увидишь, что мои слова неложны.

Тогда начальник евнухов, бывший в то же время и управляющим царским дворцом, взяв ключи, пошел осматривать их жилища и хранилища; открыв их, он ничего не нашел, кроме честного креста, книги Нового Завета, двух тростниковых подстилок лежавших на земле, глиняной кадиланицы, свечи и небольшого деревянного сосуда с Пречистыми Тайнами⁶.

- Но где же золото, - спросил он их тогда, - где драгоценные одежды и прочие дорогие вещи и украшения?

Не получив ответа, он снова подверг Домну и Индису мучениям, но безуспешно. Тогда он велел отвести их в другое место и держать в заточении, пока он не скажет о них царю. Когда святую деву выводили из ее жилища для заключения, она тайно взяла книгу Новозаветных Писаний и скрыла ее в своей одежде: книга была мала и ее легко было спрятать; а Индис взял таким же образом небольшой сосудец с Божественными Тайнами. Их обоих заперли и долгое время морили голодом и жаждой: так решил их несправедный мучитель, чтобы питавшие голодных сами умерли голодной смертью. От долгого пребывания без пищи юная дева впала в телесную болезнь; но Пекущийся о птицах и о зверях, Отверзающий руку Свою и Насыщающий всякое животное по благоволению (Пс.144:16), Бог - Промыслитель не презрел Своих рабов, ослабевших от долгого голода: в одну ночь Он послал им Ангелов Своих, которые осияли их во тьме небесным светом, предложили им чудную трапезу - небесную пищу и необычайное питье, и удалились. Домна же и Индис укрепились, вкусив предложенного им, и забыли пережитые злострадания. Утешенные явлением Ангелов и насыщенные ангельской пищей, они просветились лицами и, как бы сидя в чертогах радости, запели **"Как туком и елеем**

насыщается душа моя, и радостным гласом восхваляют Тебя уста мои... Боже! Ты Бог мой, Тебя от ранней зари ищу я; Тебя жаждет душа моя, по Тебе томится плоть моя в земле пустой, иссохшей и безводной" (Псал. 62:6, 2).

Вскоре после этого пришел и начальник евнухов посмотреть, побеждены ли они голодом, ибо он полагал этим способом заставить их повиноваться себе. Но, увидя их радостными, светлыми лицом и веселящимися духом, он переменял свое гневное и жестокое обращение, которым не был в состоянии ничего достигнуть, на притворную кротость; он велел им поселиться по прежнему в их первом жилище и в изобилии снабдил всем нужным, пищей и одеждой, золотом и серебром, и девическим убранством, отпуская всего не меньше, чем как делал это прежде. Но святая Домна снова тайно раздавала всё нищим, и не только пищу, но и драгоценные одеяния. Видя же множество нищих, стекающихся к ней, как к своей питательнице, она взяла свой пояс, украшенный драгоценными камнями и жемчугом и всё прочее убранство и отослала к диакону Алимпию с просьбой продать всё это и употребить вырученные деньги на прокормление нищих. Размышляя затем, каким бы способом избежать

жительства с грешниками и пребывания во дворце, исполненном идольского нечестия, святая Домна вспомнила о богоотце Давиде, бежавшем от лица Саула и притворившемся безумным пред Анхусом, царем Гефским (1Цар.21:13). Притворившись тоже безумной, она стала падать, источать слюну, трястись и кричать. Узнав об этом, управлявший царским дворцом начальник евнухов опечалился, недоумевая, как бы ее вылечить. Услышав, что христиане исцеляют такие болезни, он призвал епископа христианского, святого Анфима⁷, преемника святого Кирилла, и вручил ему деву, чтобы тот исцелил ее до возвращения царя с войны, евнуха же Индиса он приставил к ней, чтобы прислуживать.

Постигнув духом намерения Домны, епископ охотно принял ее и отослал в один девический монастырь. Домна же несказанно радовалась и веселилась, что избавилась от пребывания с нечестивыми и сподобилась жить с христианами.

Спустя некоторое время, Максимиан с торжеством возвратился с войны. Приписывая свою победу над врагами не Всевышнему Богу, сильному в бранях, а своим бездушным идолам, он захотел отблагодарить их непотребными жертвами, а вместе с тем начать гонения на

христиан. Приготовив посреди города место для зрелища, он вынес туда из своего дворца золотых и серебряных идолов, поставил их на царских престолах и, увенчав цветами, стал приносить им в жертву тучных волов. Жрецам же царь приказал окроплять стоящий кругом народ жертвенной кровью. И тотчас же находившиеся в числе зрителей христиане начали выходить из толпы, чтобы не оскверниться окроплением идоложертвенною кровью. Увидев это, царь начал громко говорить, обратясь к народу:

- Куда вы уходите, о люди, предпочитающие тьму свету, и неверящие в бытие сих богов, которыми держится вселенная? Разве вы не видите настоящих торжеств и побед? Разве вы не видите, сколь много благ прилагается к прежним благам, как всё содержится в покое, как ежедневно прибывают новые блага и мы теперь обладаем такими, которыми раньше не владели? Разве не видите, как растёт наша слава, расширяется царство, покоряются одни города, другие же будут покорены нами? Разве не видите, как поработаются нами царства других народов, и как всё делается согласно нашему желанию? Чьим же промыслием всё это совершается, как не промыслием тех богов, которым мы служим? Да убедят вас в

этом благоприятность погоды, умеренные дожди и даруемое богами изобилие плодов. Так говорил беззаконный царь, выдавая небылицу за быль, и намеревался еще сказать многое другое, но Господь, Которого **"Суды Господни истина, все праведны"** (Пс.18:10); не попустил больше лжи хвастаться и возноситься над истиной: внезапно, среди ясного дня и при сиянии полуденного солнца раздался грохот страшных громов, небо омрачилось тёмными тучами, пролился сильный дождь с великим ветром и бурей, молниями и градом. Таким образом ясно обнаружился гнев Божий на нечестивых: иные, испугавшись громов, падали как мёртвые, другие, бросившись бежать, давили друг друга, и многие лишились в толпе жизни, растоптанные ногами; сам же царь, объятый страхом и ужасом, со стыдом бежал во дворец. Так прекратилось зрелище и нарушился богоненавистный праздник с его скверными жертвами. Реки переполнились водой от великого дождя и потопили нивы, уничтожив весь труд земледельцев, так как было время жатвы. Всё же это произошло для того, чтобы нечестивые познали крепкую руку Единого Бога, сущего на небесах. Но не уразумел этого ослеплённый злобою жестокосердый царь: вместо того, чтобы

познать силу истинного Бога, он впал еще в большее безумие, воздвигая брань против Страшного и Лишающего жизни царей (Пс.75:13).

Вскоре после этого, не находя Домны и Индиса среди жрецов-служителей его двенадцати главнейших ложных богов, стоявших во дворце, царь спросил, где они. Услышав, будто Домна лишилась рассудка и находится у людей, умеющих лечить эту болезнь, а Индис приставлен к ней, чтобы ее оберегать и служить ей, Максимиан сильно разгневался на начальника евнухов, освободившего их от службы богам, лишил его сана и наказал самым позорным бесчестием, приставив его ходить за верблюдами в Клавдиополе⁸. Призвав затем Индиса, царь вернул его к прежней обязанности: служить богам, стоявшим в царском дворце. Но Индис без ведома царя продолжал служить только Единому истинному Богу, в Которого веровал. Тем временем Максимиан начал открыто преследовать Церковь Христову, разоряя святые храмы и сооружая идольские капища. Начальниками во всех областях империи он назначил людей жестоких, обязанных без пощады мучить христиан. Сам царь был главным и первым по жестокости мучителем; он убивал и истреблял христиан и

проливал неповинную кровь, как бы воду. Иногда он пытался обмануть их лукавыми словами, чтобы потом предать мучениям и смерти неподчинившихся его коварному обману. Отыскивая скрывавшегося в некоем месте святейшего епископа Анфима и не находя его, Максимиан однажды сам вошел в христианскую церковь со множеством вооруженных воинов, как волк в стадо.

Обратившись к народу, он пытался то ласками, то угрозами привлечь всех к своему заблуждению. Наконец он сказал:

- Отступите, от вашей суетной веры; если же не отступите, то казнь не замедлит постигнуть вас.

Видите этот храм, в котором вы собрались: вскоре я сожгу его вместе с вами.

Христианский пресвитер, святой Гликерий мужественно противостоял ему и постыдил беззаконника бесстрашными словами:

- Обещанные тобою дары, - сказал он, - не привлекают нас, царь; угроз же твоих мы не боимся. Всё, что ни есть в мире, мы почитаем как бы за сон и даже вменили бы себе в скорбь и Божие наказание, что не претерпеваем за Христа жесточайших мучений. Ты хвалишься победой над варварами, но терпишь поражения даже от христианских жен и детей, ибо явно непреодолима сила нашего Христа. Кто не

помнит недавних громов и молний, необычайного грома и дождя? Многие из вас внезапно умерли и плоды земные погибли от неожиданного наводнения. Это было явным знамением гнева Божия, возбужденного тем, что ты всё приписал своим ложным богам, а не Богу истинному. Не боимся мы твоих гонений: Царь всяческих даровал нам свыше оружие, которым мы также вооружаемся и защищаемся, как ныне ты своими оруженосцами. Противостоя тебе, мы твёрдо надеемся одержать чудесную победу, ибо, будучи побиваемы, мы одолеваем, а падая - побеждаем.

Хотя царь и сильно гневался в сердце своем, слыша эти слова, однако вышел из церкви не причинив никому никакого зла. А благочестивый народ, находившийся в церкви, прославлял блаженного Гликерия за такое бесстрашие. Однако, будучи не в состоянии долго сдерживать свою ярость, царь вскоре повелел схватить Гликерия, представить на свой неправедный суд и без всякого допроса подвергнуть жестокому биению. И били мученика до тех пор, пока мучители сами не изнемогли. Когда же его били, то глашатай возглашал:

- Говори поменьше, Гликерий; не будь горд, ни мятежлив, ни бесчинен, почитай царя и римские законы.

Мученик же, будучи сильнее своих мучителей, зывал к своему Небесному Царю: "Господи Иисусе Христе! Как Ты укреплял меня говорить о Тебе, так укрепи и пострадать за Тебя, чтобы этими страданиями сделаться мне достойным большего воздаяния".

Как разгорается огонь, так от этих слов еще сильнее разгорелась ярость мучителя

Максимиана. Он сам присутствовал при мучении для того, чтобы палачи наносили телу мученика более жестокие удары и раны, пока земля не напиталась его кровью и не стали видны кости, обнажившиеся от мяса, не были раздроблены все члены мученика, и только язык еще продолжал свободно вещать:

- Я - христианин, раб Христа, единого истинного Бога; един Он - Господь мой, един Он - Царь мой!

Не будучи в состоянии долее слышать такие слова Гликерия, мучитель велел сжечь его за городом. И был он благовонной жертвой Богу и всесожжением благоприятным.

Вскоре снова настал богомерзкий языческий праздник. Повели жертвенных животных к стоявшему во дворце капищу двенадцати

главных богов. Глядя на жрецов, шедших в белых одеждах, и не видя среди них Индиса, царь спросил, где он. Индис же оделся во вретище и затворился в своей горнице, сетуя и плача о погибели нечестивых. Об этом возвестили царю. Немедленно вызвав к себе Индиса и видя его в одеждах скорби и плача, царь понял, в чем дело, и, не спрашивая о его вере и жизни его, велел наложить ему на руки, на ноги и на шею оковы и ввергнуть в темницу. Затем он начал снова спрашивать о Домне, забыв сказанное ему раньше, и в гневе, как бы пьяный, часто повторял:

- Где же Домна? где жрица Дианы и Минервы? Ему вновь ответили, что она лишилась рассудка, и что поэтому, начальник евнухов выслал ее из дворца. Вспомнив тогда о начальнике евнухов, царь повелел обезглавить его и искать всюду Домну. Это царское повеление стало известно и в монастыре, где пребывала Домна. Видя, что невозможно скрыть ее, игуменья монастыря, Агафия, остригла ее по-мужски и одела в мужскую одежду. Оградив ее затем слезной молитвой, она выпустила Домну из своей святой обители, чтобы дева скрывалась в мужском образе среди мужей и не могла бы быть узнана. Искавшие Домну нигде не могли найти ее. Это привело царя в еще сильнейший гнев; он

повелел разорить все монастыри, дев же обесчестить и осквернить насилием. И тотчас же по всему городу начали твориться такие бедствия и разорения, как будто он находился в плену у варваров. Те из дев, которые были крепче телом, бежали в горы и пустыни, скрываясь в пещерах и пропастях земных, предпочитая жить со зверями и быть растерзанными ими, нежели с беззаконниками и попасть в руки гнусных людей. Те же из дев, которым не удалось бежать, были схвачены и одни повлечены на суд и мучения, другие же в народные блудилища - на осквернение. Но сила Христова укрепляла их всех и сохраняла не посрамленными и непоруганными. В числе их была одна, по имени Феофила, особенно выделявшаяся и сиявшая посреди дев, как бы луна среди звезд, красотой и привлекательностью, благородством и чистотой жизни. Когда бесстыдные воины насильно влекли ее в блудилище, она воздела очи и руки к небу и со слезами взывала:

- О, Иисусе мой, любовь моя, свет мой, дыхания мое, хранитель девства моего и жизни моей, возри на невесту Твою! Призри на меня, Жених мой невидимый, и поспеши мне на помощь, да не нарушится обет девства моего, завещанного Тебе, ибо уже нет больше времени даже для

молитвы! Не предай зверям душу, исповедующую имя Твое, да не растерзают волки Твою овцу. Сохрани Твою невесту, о Жених мой! Соблуди мое девство, о Источник чистоты, да прославится имя Твое, славимое Ангелами.

Так она молилась, и Бог уже готовил исполнения ее молитвы. Когда ввели ее в нечистое жилище открытых грешниц, вошел к ней один из воинов, полный нечистого желания, чтобы осквернить непорочную невесту Христову; и вот, едва он приблизился к ней, как тотчас же упал на землю мёртвым и лежал у ног ее, испустив дух. Другие воины тем временем стояли снаружи и ожидали его выхода, сердясь, что он так долго медлит и желая сами войти туда же. Наконец, один из них, распаленный греховным желанием, не вытерпев, вошел и пришел в ужас, увидев друга своего мёртвым. Когда же узрел он еще и неприступный свет, осиявавший святую деву, то тотчас же лишился зрения и, ослепнув, стал ощупывать руками стену, чтобы выйти наружу, но не мог. Той же участи подверглись и многие другие, бесстыдно и с нечистым желанием входившие к деве. Это стало известно стоявшим снаружи, и они пришли все вместе не ради похоти, но чтобы посмотреть, что случилось, и увидели деву чинно сидящей и

читающей небольшую книжку: это было Евангелие, которое она хранила у себя; рядом стоял прекрасный юноша, сиявший несказанным светом и взирал молниеносными очами. Увидев юношу, нечестивые тотчас же в великом ужасе бросились бежать; другие же зывали:

- Кто подобен Богу христианскому?

Когда настала ночь, светоносный юноша вывел оттуда деву, довел до великой церкви и, поставив ее на паперти, сказал:

- Мир тебе.

Затем он удалился, оставив святую деву Феофилу объятую страхом и радостью: страхом, потому что покинул ее заступник, радостью же, так как благополучно избегла рук беззаконников. Подойдя к дверям церкви, она стала стучать, чтобы ей отперли, ибо собравшиеся внутри для совершения всенощного моления Богу христиане заперли двери из страха перед нечестивыми язычниками. Один из диаконов спросил изнутри, кто это стучит; услышав и признав голос Феофилы, он возвестил об этом предстоявшему в церкви народу. Когда отперли дверь, то весь народ устремился к святой деве: всем были известны, как знатность ее происхождения, так и святость жизни. О, сколь

радостно и с какими слезами восхваляли все Бога, когда узнали, как она спаслась от насилия нечестивых и какую милость сотворил с ней Господь, крепкою рукою сохранив нетленным ее девство! ибо она не скрыла преславных чудес Божиих, которые подобает не скрывать, но возвещать. Святая же дева, павши ниц, омочила помост церковный слезами радости, и все принесли Владыке Христу общее благодарение. В это время были обвинены перед царем в принадлежности к христианской вере некоторые из знатнейших вельмож и главных слуг царского двора. В числе их находился некто Дорофей, прославившийся своею военной славой и гражданскими заслугами, носивший титул наместника Италии; вместе с ним находились также Мардоний и Мигдоний и другие сановники, славные своими заслугами, но еще более славные верой и благочестием. Когда их привели для допроса, царь первоначально стал жестоко укорять их, а затем велел долго и беспощадно бить и, заключив в оковы, бросить в темницу. Не проходило дня без того, чтобы христиан не схватывали, не мучили и не предавали различным казням. Но вот наступил праздник Рождества Христова⁹, и Новорожденному должна была быть принесена изобильная жертва. Все верные собрались в

церковь. Тогда нечестивые слуги нечестивого Максимиана, пришедши к нему, сказали:
- Царь! сегодня великий праздник у христиан, они выдумывают басню, будто это день рождения их Бога, и все собрались в церковь, чтобы отпраздновать это событие. Поэтому, сделай так, чтобы улов не выскользнул из сети: прикажи войнам занять вход в их церковь, и пусть перед церковными воротами будет поставлен жертвенник нашим богам; глашатаи же пусть повелят им тотчас же выйти из церкви и немедленно принести жертвы богам. Если они послушаются, то ты поступишь с ними, как будет угодно твоей царской воле. Но если соизволишь последовать нашему совету, то повели, чтобы воины обступили церковь кругом, подожгли ее и погубили всех до единого христиан, непокоряющихся тебе. Истребив, таким образом, зараз опасных и вредных для твоего царства людей, ты на будущее время будешь без забот.

Не кончили еще они своей речи, как Максимиан, перебив их, воскликнул:

- Клянусь великими богами, что я давно уже сам замышлял сделать это, и не знаю, что мне до сих пор помешало исполнить задуманное! Великая благодарность подобает вам ныне, о боги, ибо это вы устроили так, что и слугам моим во время

пришел на ум тот же полезный для царства нашего замысел.

И он тотчас же приказал главным из своих телохранителей отправиться со множеством воинства, обложить христианскую церковь пенькою, древесными стружками и другими легко воспламеняющимися вещами, и тщательно охранять с обнаженным оружием все выходы из нее, чтобы ни один христианин не избегнул их рук. Когда всё это было исполнено, в церковь вошел глашатай, посланный царем и, ставши посредине, громко возгласил:

- Мужи, собравшиеся здесь! Владыка вселенной Максимиан, пославший меня вам, предлагает вам выбрать одно из двух: или, выйдя из церкви, немедленно принесите жертву богам, и вы останетесь живы; жертвенник для этого уже приготовлен перед дверьми; или же, если не послушаетесь, погибнете здесь все вместе злою смертью: огонь уже готов и церковь кругом обложена хворостом. Поэтому, выбирайте скорее, что хотите". Сказав это, он умолк. Тогда стоявший у алтаря архидиакон, сердце которого было возжжено огнем Божественной благодати, сказал, обратившись к народу:

- О возлюбленные и единомысленные братья! Неужели вы не ведаете, что сотворили в Вавилоне три отрока¹⁰, непоколебимому

мужеству в истинной вере и крепости которых мы несказанно удивлялись, когда несколько дней тому назад праздновали их память, как и сами они воспели песнь и всю созданную природу призывали к восхвалению Господа всех, как бы не посреди огня находясь, но гуляя среди нежных цветов! И мы не только величали их, но и желали стать соучастниками их венцов. Уподобимся же и мы тем трем отрокам, так как и само время нынешнее призывает нас к этому: ибо и царь Максимиан подобен Навуходоносору; хотя они оба и отличаются именами, но очень схожи и согласны между собой по своему мучительству и безбожию. Не стыдно ли было бы нам, когда те, будучи отроками, и притом только в числе трех, и не имея еще ни одного примера великодушного подвига за истинную веру, так славно подвизались; мы же гораздо многочисленнее их, и даже воистину как бы бесчисленны; многие из нас уже в преклонных летах, и мы имеем перед собою столь много примеров мужественных страданий за Христа: итак не стыдно ли было бы нам, находясь в таком числе и возрасте, показать себя привязанными к кратковременной жизни, боязливými и малодушными, и не воспользоваться нынешним временем, призывающим нас к подвигу, как бы великим

преимуществом, - не презреть временной жизни ради Бога, создавшего нас и предавшего на смерть душу Свою за нас, и не дать нашей смертью свидетельства нашей крепкой и непоколебимой веры?! И воистину, это был бы безмерный позор. Я говорю это на тот случай, если бы за нашим страданием не последовало никакого воздаяния. Но ничтожны страдания века сего по сравнению с положенным нам воздаянием за гробом: вечная и безболезненная жизнь назначена нам взамен здешней, бедственной и краткой, непреходящая слава за презрения славы скороувядающей, неотъемлемые богатства и никогда непрелагающееся в печаль веселие. Неужели же мы еще захотим здешней жизни! Не постараемся ли мы лучше, пользуясь благоприятным временем, достигнуть скорее той вечной жизни, умерши за Христа? Воззрите, о братья, на алтарь Господень и уразумейте, что истинный Господь наш и Бог принесен на нем ныне в жертву за нас. Не положим ли и мы за Него наши души на этом святом месте? И не принесем ли мы Ему их во всеожжение, как бы некую жертву?

Так говорил святой архидиакон, и все возгорелись желанием умереть за Христа и единогласно воскликнули:

- Мы христиане, мы - христиане, царь, и не почитаем твоих ложных богов!

Об этом было возведено Максимиану, который повелел тогда сжечь церковь со всеми находившимися там христианами. Тем временем верные собрали в церкви всех бывших среди них оглашенных и разделили на четыре части, чтобы скорее успеть совершить над ними св. крещение. По совершении крещения и миропомазания, все были причащены Святых Таин. В то время, как это происходило, воины зажгли по повелению нечестивого царя хворост и паклю вокруг церкви; стены ее скоро загорелись и окружившее ее со всех сторон великое пламя поднималось к небу и, проникал внутрь, быстро поядало всё. Сожигаемые христиане громко зывали к Богу, воспевая песнь трех отроков и призывая всякую тварь к песнопению. И не успели еще они окончить свои песнопения, как предали свои святые души в руки Господа, в жертву благоприятную непорочному Агнцу, закланному за мир. Число сгоревших достигало двадцати тысяч человек. Так перешло славное ополчение святых мучеников из церкви воинствующей в церковь торжествующую праздновать нескончаемый праздник радования.

По прошествии пяти дней, огонь еще продолжал поядать останки храма и курился дым; но от сожженных тел не только не было смрада, но и дым был какой то необычайный, благовонный; великое благоухание, исходившее от пожарища разливалось по воздуху и видно было золотистое сияние, какое бывает и по восходе солнца на востоке. Максимиан же, полагая, что он уже погубил и истребил всех христиан, какие только были в городе, занялся играми, конскими ристалищами и разными зрелищами.

Около того места, где происходили зрелища, было в Никомидии великое капище языческой богини Цереры¹¹. Однажды придя к ее капищу со всем своим воинством и с народом, царь Максимиан приносил жертвы богине. Тогда один из воинов, по имени Зинов, по сану полководец, подвинутой ревностью к истинной вере и не терпя зрелища такого нечестия, стал на высоком месте и воскликнул, обращаясь к царю:

- Заблуждаешься ты, царь, принося жертвы бесчувственным камням и немому дереву. Это подлинно обман бесов, ведущий к гибели своих поклонников. Рассуди, о Максимиан и, обратив к небу твои телесные очи вместе с духовными, познай Создателя из Его видимого создания. Чрез тварь познай, каков ее Творец, и

научись благочестно почитать Бога, благоволящего не к крови и жертвенному дыму бессловесных животных, но к непорочным душам человеческим и чистым сердцам!

Услышав это, Максимиан велел сокрушить Зинону камнями уста и разбить лицо и зубы, а затем еле живого вывести за город и умертвить мечем. Так увенчался святой мученик Зинон венцом мученическим.

Тем временем святой Дорофей сидел в оковах вместе с Индисом и прочей дружиной.

Блаженный епископ Анфим посещал их из места своего убежища частыми посланиями, укреплял их, увещевал быть твёрдыми в вере и возбуждал к подвигу. Однажды нечестивые схватили и привели к царю диакона Феофила, шедшего к мученикам с посланием от Анфима. Прочтя послание епископа, царь пришел в ярость, ибо там было написано не то, что ему угодно, но что полезно святым. Он велел немедленно привести к себе Дорофея с его дружиной; гневно взглянув на них и укорив их, он дал им прочитать послания Анфима. Они же, увидев диакона, возрадовались душой и издалека приветствовали его светлыми взорами и радостными лицами, читаемые же слова святителя

слагали в сердцах своих. Гневно взглянув на диакона, царь грозно сказал ему:

- Скажи мне, окаянный, кто дал тебе это письмо и где он скрывается?

Диакон сотворил сначала в сердце молитву к Богу и затем бесстрашно ответил:

- Послания это дал мне пастырь, который, находясь ныне вдали от своего стада, увещевает его и побуждает к благочестию. В особенности же теперь, когда он узнал о нашествии волков и других зверей, он громко повелевает и возвещает своим овцам, что им надлежит делать. Слова же, возвещаемые им, не суть его, но заимствованы им у Верховного и Первого нашего Пастыря, сказавшаго: **"И не бойтесь убивающих тело, души же не могущих убить; а бойтесь более Того, Кто может и душу и тело погубить в геенне"** (Мф.10:28).

Вот я уже возвестил тебе, кто мне дал это послание, а где находится пославший его, этого я не скажу: было бы явным безумием, если бы я, получивший от своего пастыря столько добра, стал его предателем; он скоро и без нас обнаружится, ибо не может укрыться на вершине горы город (Мф.5:14), как возвещено это Божественным гласом.

Не будучи в состоянии долгие слышать смелую речь диакона, царь повелевал тотчас же отрезать

его честный язык, а затем умертвить его за городом камнями и стрелами. Потом он посредством различных мучений предал смерти и остальных святых мучеников: Дорофею отсекали голову, Мардония сожгли огнем, Мигдония живого засыпали в яме землей, Горгония же, Индиса и Петра бросили в море, привязав им к шее жерновные камни. Так совершили свой подвиг и отошли ко Господу Богу одним путем, хотя и различными смертями доблестные мученики Христовы.

Тем временем святая Домна скрывалась в пещере на одной горе, питаясь растениями, росшими вокруг пещеры. Слыша о смерти святых мучеников, она радовалась духом, что они перешли из юдоли здешней горестной жизни в желанный край вечного веселия.

Особенно же радовалась она об Индисе, своем духовном единомысленном брате и сообщнике ее духовного рождения в крещении. Готовя себя к подвигу и прося помощи свыше, она скорбела о себе, что из них всех она одна еще не отошла ко Господу тем же путем мученичества. Затем она сошла с горы и вошла в город в той самой мужской одежде, в которую ее облекла ее духовная мать Агафия. Не находя блаженной Агафии, которую она пришла искать, Домна поняла, что она сгорела в церкви вместе со

множеством других дев, и горько заплакала; она не жалела о ее смерти, но скорбела, что не сподобилась сама умереть вместе с нею за Христа. И стоя на месте сожженной церкви, Домна плакала и рыдала, смачивая пепел своими слезами. Когда наступила ночь, она пошла на морской берег, где был потоплен Индис с прочими мучениками. И вот рыбаки, стоявшие там и готовившие сети для ловли, увидев святую деву и приняв ее по мужской одежде за мужа, сказали ей:

- Приди и помоги нам, юноша; если мы что-нибудь поймем, то и тебе уделим часть.

Она охотно пришла к ним на помощь. Когда забросили сети для ловли и вытаскивали их затем на берег, то ощутили в неводе такую тяжесть, что с трудом могли выволочь его на землю. Ночь была лунная, и они увидели множество рыбы, а посреди улова тела трех мучеников, Горгония, Индиса и Петра. Рыбаки пришли в великий ужас и, быстро собрав сети и улов, а тела положивши на землю, поспешили сесть в ладью, чтобы отплыть на другой берег. Они звали с собою и мнимого юношу, но тот не захотел ехать с ними. Тогда, они дали ему за труд часть пойманной рыбы и немного хлеба и отплыли оттуда. Святая же дева Домна подошла к телам мучеников и, узнав каждого, в

особенности же возлюбленного Индиса, стала с несказанной радостью обнимать и целовать их и проливать над ними обильные горячие слезы. Поднявшись, она увидела на море корабль, пристававший к берегу и шедший на одних веслах при опущенных парусах. Отойдя от тел святых мучеников, Домна приблизилась к кораблю и, обратившись к корабельщикам, показала им свою рыбу. Полагая, что рыба продается и желая ее купить, капитан корабля спросил о цене, но Домна ответила ему, чтобы он взял даром. Тогда он в недоумении сказал: - Именем Христовым, скажи по истине, почему ты продаешь рыбу?

Услышав имя Христово, святая Домна поняла, что на корабле христиане и поведала им о телах святых мучеников, обо всех мучениях, которым они были подвергнуты и об их именах. Тогда капитан корабля тотчас же вынес со своими друзьями чистые полотна и ароматы, и, завернув тела святых, отнес их к городской стене, где у ворот, недалеко от реки, принял конец жития своего святой Дорофей. Там они благоговейно погребли тела мучеников. Узнав, что Домна одной с ними веры и принимая ее к тому же за юношу, капитан корабля стал умолять ее вместе с ним взойти на корабль.

- Пребудем неразлучно вместе до конца нашей жизни, - говорил он.

Но она, не соглашаясь, велела ему продолжать свой путь.

- Я останусь здесь, - сказала она, - ибо уже близок конец моей жизни, и я не хочу, чтобы тело мое разлучилось от тел святых, с которыми при жизни я была соединена духом и верой.

Тогда капитан дал ей достаточное количество золота, не для какой-нибудь телесной потребности, так как в этом она не нуждалась, но на ароматы и фимиам для почтения гробниц святых и отправился в путь свой. Святая же Домна день и ночь пребывала при гробницах мучеников, кадя и благоухая им и молясь со слезами.

Но не было возможно, чтобы дело света утаилось перед ходящими во тьме, или чтобы желания мученичества святой Домны осталась не исполненным, ибо ее святость и благочестие изобличали ее. Царю было возвещено, что какой-то юноша обходит христианские гробницы и кадит им. Царь рассмеялся и сказал:

- Подобаает и ему погибнуть одинаковой с ними смертью, чтобы он на опыте узнал, как напрасно воздается такая честь людям, ничего уже больше не значащим по смерти.

Сказав это, он немедленно послал отсечь ей голову. И умертвили мечем святую Домну в то время, как она молилась при гробницах святых мучеников. Честное тело ее нечестивые сожгли огнем. В это же время был убит мечем после долгих мучений и святой мученик Евфимий. Так украсилась Никомидия своими мучениками, как звёздами, пополняя число двадцати тысяч чудным Гликерием, блаженнейшим Зиномом и Феофилом; к ним присоединились также Дорофей с Мардоном и Мигдоном, - Индис с Горгоном¹² и Петром, и три святые девы Агафия, Феофила и прекрасная Дотаа; завершением же всего лика был Евфимий, во славу Христа, истинного Бога, Ему же со Отцом и Святым Духом честь и слава во веки. Аминь.

Тропарь, глас 2:

Страстотерпцы Господни, блаженна земля напившаяся кровьюми вашими, и свята селения, приимшая телеса ваша: в подвизе бо врага победисте и Христа со дерзновением проповедаете. Того яко блага молити спастися, молимся, душам нашим.

Кондак, глас 2:

Тверди душею по вере святости, огнем страдания приемше две тьме страдалец, вопиюще

рождшемуся от Девы: прими всеожжения наша за Тя, якоже дары персских царей, злато и смирну, и ливан, превечный Боже.

1 Максимиан II Галерий - зять и соправитель Римского императора Диоклитиана, впоследствии его приемник (с 305-311 г.).

2 Никомидия - цветущий город Малой Азии на берегу Мраморного моря, столица восточной половины Римской империи при Диоклитиане и его преемниках

3 Оглашением называлось предварительное испытание готовившихся к принятию св. крещения и обучение их истинам веры. Оно длилось от 40 дней до 3 лет, иногда же, по обстоятельствам, сокращалось до нескольких дней.

4 Евнух собственно значит - скопец. В древности был обычай окружать знатных женщин, услугами евнухов, которые при царском дворе занимали выдающееся положение.

5 Согласно евангельскому выражению См. Мф. 3:5.

6 У христиан первых веков был обычай причащаться ежедневно св. Таин; но так как не было возможности служить литургию

ежедневно, то св. Тайны выдавались верующим на дом.

7 Память священномученика Анфима, епископа Никомидийского, празднуется Церковью 3-го сентября.

8 Клавдиополь - один из городов Малоазийской области Киликии.

9 Это было в 303 году по Р.Х.

10 Т. е. Анания, Азария и Мисаил (кн. прор. Дан. гл. 3), память которых совершается 17-го декабря.

11 Церера или Деметра - греко-римская богиня земледелия и плодородия. Очень распространенные празднества в честь ее отличались безнравственностью.

12 Мощи св. мч. Горгония впоследствии перенесены была в Рим.

